

Б. 115

Всё 1272

БЕЗБОЖНИК

— Кончай базар, пророк Илья — сегодня ты, а завтра я

И Ю Л Ь
1 9 2 7

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА
Москва, Неглинный проезд, дом 21.
Тел. 4-56-62.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На год 3 р. 60 к., на полгода 1 р. 80 к.,
на четверть года 90 к. Отдельн. № 15 к.

№ 13

СОДЕРЖАНИЕ: „Электрификация“—очерк Вл. Сарабьянова; „Новая балахна“—очерк А. Базарова; „Советское болото“—очерк Ярославца; „Во дворце деда мороза“—очерк А. Северного; „У подножья Эльбруса“—очерк Кор. 111; „Это было осенью“—рассказ М. Пбликарпова; „Религия в быту. Пословицы и поговорки“—М. Артамонова.— Обложка—К. Урбетиса.

„ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ“

Очерк второй.

Очерк ВЛ. САРАБЬЯНОВА.

Советская республика имеет вполне заслуженное право гордиться огромным размахом своего электро-строительства. Мы доказали всему миру, что заветы Ильича об электрификации неотступно выполняются нами и что под коммунизм подводится все более широкая и технически совершенная база.

Живые тому примеры это — наши электростанции, из которых одна уже построена, другая, начата стройкой. Первая, хотя и скромное, но уже законченное предприятие, вторая — предприятие мирового масштаба, предприятие и промышленного, и сельскохозяйственного, и транспортного значения, — сложный комбинат, в котором электростанция подобная первой, является лишь одной из частей.

Первая — это Волховская станция, которая превратилась в Волховстрой, вторая — Днепрострой, через пять лет обещающий стать Днепровской станцией и звеном, связывающим Северную и Южную части Днепра в единую судоходную реку.

Оба эти предприятия могут служить чудесным образцом новой, социалистической техники. В настоящее время они — одиночки, но в будущем таких предприятий будет много; они станут типичными и обыденными.

Знакомясь с Днепровским и Волховским предприятиями, мы, как бы, заглядываем в глаза истории, в глаза предстоящего нам будущего.

Днепрострой и Волховстрой, это — чудесные творения человечества, покончившего с богами и силой безбожного, теоретически оснащенного разума, покоряющего когда-то таинственные силы природы.

Что такое Днепрострой?

Это — предприятие, которое ставит на колени днепровские пороги, превращает Днепр — в сплошную судоходную реку и в источник энергии, равной миллионам человеческих сил. Благодаря днепровским порогам никакие грузы, кроме леса, не доходят сейчас до Черного моря. У порогов они обычно переваливаются на железную дорогу, что, конечно, связано с крупными расходами. Если бы Днепр был судоходной рекой, наш лес и хлеб доходили бы до Черного моря, имея более низкие цены и легче находили бы сбыт за границей.

Это оживило бы весь приднепровский край, повысило бы доходность крестьянского хозяйства, содействовало бы росту товарооборота и т. д., а также подняло бы на большую высоту лесную и деревообрабатывающую промышленность.

Днепрострой как раз и ставит своей задачей покрыть днепровские пороги и устранить то препят-

ствие судоходству, которое до последнего времени казалось совершенно непреодолимым, по крайней мере, огромному большинству верующих людей. «Не человек указал направление ветрам и рекам, не ему и менять их течение»... Так думали старые люди. Мы приказываем стихиям исполнять нашу волю, и через шлюзы у г. Запорожья прогоним вниз по Днепру: 85 млн. пуд. леса, 70 млн. пуд. хлеба и 10 млн. разных грузов, да против течения 40 млн. пуд. нефтяных и 10 млн. другого рода грузов.

Всего через шлюзы пройдет 215 млн. пуд. и этим сделаем экономию в 10 млн. руб. за 1 год только по хлебным, лесным и нефтяным грузам.

Но Днепрострой не ограничивается покрытием порогов, а строит также новую железную дорогу сверхмагистрального типа, которая приблизит каменный уголь Донбасса к железной руде Криворожья. Экономия, осуществляемая через новую железную дорогу, составит свыше 10 млн. руб. в год.

Наконец, третьей составной частью Днепростроя является гидроцентральный, которая с экономит стране в год 15½ млн. руб.

Падение воды даст электроэнергию, которая победит в Екатеринослав, не говоря уж о Запорожье, Николаеве, Херсоне, Никополе, Кривом Роге и т. д. Охватывая своим влиянием огромный район, гидроцентральный будет давать самую дешевую энергию в мире, себестоимостью на шинах станций в среднем 0,48 копеек (0,48) киловатт-час, тогда как на лучших заводах сейчас он получается себестоимостью в 3 коп. киловатт-час. Каково значение столь дешевой энергии, об этом говорит тот факт, что проектируемая гидро-электрическая станция будет мощностью первой очереди на 350.000 лошадиных сил и с годовой средней отдачей у потребителя 1.200 м. киловатт-часов. Если бы все потребители платили сейчас по 3 коп. за киловатт-час, а затем по ½ коп., то экономия на каждой сотне млн. киловатт-часов составит 2½ млн. руб.

Столь дешевая энергия делает выгодным создание новых отраслей промышленности, вроде алюминиевой, электроплавки ферро-моргана, выработки фосфорно-кислого аммония, расширение ныне существующих производств и проникновение электротехники в сельское хозяйство. Днепрострой в целом обойдется, примерно в 150 млн. руб. и будет давать ежегодную прибыль государству, путем сбережений на транспорте, электроэнергии и проч.,

в размере 35,7 млн. руб. плюс 8,7 м. р. процентов на капитал.

Следовательно, в течение 3½ лет после того, как Днепрострой будет закончен, все это крупнейшее предприятие себя окупит полностью, при чем работать будут тогда не миллионы людей и не сотни тысяч лошадей или волов, а река Днепр, руками человека закованная в шлюзы.

В свое время могучий и многоводный Днепр считался священной рекой и ему поклонялись то как богу, то как местожительству богов и Днепр-бог жил в содружестве или вражде с богами лесов, ветров и других стихий.

Но пройдет пять лет, и скованный, усмирленный, взнузданный человеком Днепр потеряет последние следы своего божественного, мистического ореола.

По мановению руки инженера и рабочего, зажгутся лампочки и придут в движение целые системы машин огромного края, превосходящего по своим размерам и Англию, и Францию, и Германию. Днепрострой — это беспощадный удар по «святым небесам» и попы это хорошо понимают. Поговорите с ними, и вы убедитесь, что попы агитируют против Днепростроя: одни считают его фантазией, другие — дорогим удовольствием, третьи — аферой или еще чем-нибудь, но все они — против того, чем мы гордимся и без чего социализм развиваться не может.

Были они и против Волховстроя, этого менее мощного, но первого гиганта, зарождавшегося в голодные, мучительные годы, — этого дитяти Ильича, который его выпестовывал и довел до конца, хотя умер и задолго до пуска Волховской электростанции.

Днепрострой даст 350 тыс. лошадиных сил первой очереди, а Волховская дает, в среднем, в год 40 тысяч, имея восемь турбин, при чем мощность каждой из них равна 10 тыс. лошадиных сил. Вместо 80 тыс. лошадиных сил получается 40 тыс. лошадиных сил из-за разницы в сезонных напорах воды Волхова. Как велико значение этих 40.000 лошадиных сил, об этом говорит следующий замечательный факт: электроэнергия Волховской станции покроет 45% всей довоенной потребности ленинградского промышленного района и даст ежегодной экономии до 18 млн. пуд. угля.

Относительно стоимости энергии Волховская станция не может, конечно, сравниться с мировым днепровским гигантом, но во всяком случае она даст вдвое более дешевую энергию, чем ныне вырабатываемая. В газетах уже сообщали, что в постройку

на Волхове вложено 1.000.000 пуд. железа, 5.000.000 пуд. цемента, 5.000.000 куб. футов леса, 5.000.000 штук кирпича и 25.000 куб. саженей камня.

Что значат все пирамиды, вавилонские башни перед Волховстроем, если одной землей вырытой при его постройке можно было бы засыпать 450 восьмиэтажных московских домов!

А, ведь, Волховская станция — это не из ряда вон выдающийся гигант, а рядовая электростанция, каких мы создадим не один десяток.

И вот эта самая Волховская станция, будучи пущена в ход, буквально выручает из безвыходного положения крупнейший промышленный и транспортный район, который ощущал острую нехватку в электроэнергии и не смог бы разворачивать своего производства без добавочной энергии.

Эта станция в самый критический момент не только усиливает снабжение района энергией, по крайней мере, на одну треть, но и дает ее по дешевой цене, не расходуя на это ни торфа, ни угля, а используя только силу падения воды тоже когда-то священной реки Волхова.

Эта непокорная река склонилась своей седую суровую голову перед молодой страной Советов, перед могучей Советской властью, и будет ей служить, не изменяя и не саботируя.

Чем совершеннее, чем современнее техника, тем менее в ней капризов, тем менее в ней случайного и непредвиденного. Создавая Волховские и Днепровские станции, мы создаем по всей стране чудесно контролируемые и регулируемые опорные силовые пункты, которые, будучи связаны в единую систему электрохозяйства СССР, тесно смыкают различные районы друг с другом.

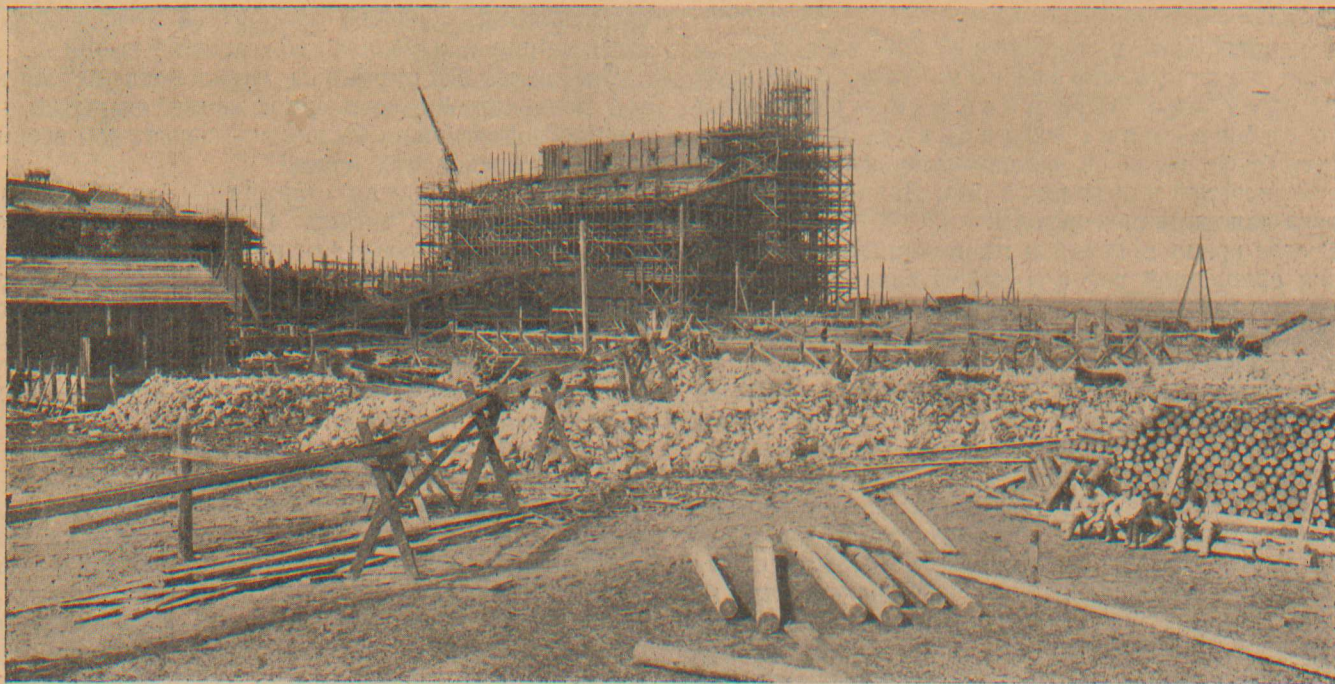
Электростанции, как ничто другое, развивают производительные силы района, и Советская власть на деле заботится о национальных меньшинствах, строя станции в Ташкенте, под Тифлисом и т. д.

Но, как мы уже сказали, через современную технику остальные районы связываются с передовыми, окраины с центром.

Волховстрой приблизил к городской культуре не малые тысячи крестьянских дворов.

Днепрострой подготавливает связь огромного сельскохозяйственного района не только с развитыми в промышленном отношении частями СССР, но и с заграничным рынком. В лице этих двух «строений» мы имеем лучшие примеры больших и «малых» дел Советской власти, которые предстоит ей двинуть в ближайшее же десятилетие.

Строящаяся силовая установка Балахнинской бумажной фабрики.

НОВАЯ БАЛАХНА

Очерк А. БАЗАРОВА.

...Утро. У ворот небольшого окрашенного в бордовый цвет дома стоит баба с заспанным измятым лицом. Она судорожно зевает, чешет голову и кричит через дорогу:

— Аннушка, а Аннушка! Опару-те поставила?

— Поста-а-ви-ла... — несется из открытых окон дома напротив.

— С чем пироги-то печи думаешь?

— С чем? С капустой, да с морковью.

— В церковь-то пойдешь?

— Пойду, пойду, как же?

— Так подожди меня. Вместе пойдем.

Грохнул церковный колокол. Сонные улицы ожились: набожные люди потянулись к церквям.

Где-то протарахтела одинокая крестьянская телега.

Замолкли колокола и снова тишина. У ворот, в мусоре возятся куры. Склонив голову на бок, ревнивым пафосом расхаживает возле них петух. С визгом проносится крупный поросенок, за которым гонится жизнерадостный рыжий щенок, сосредоточенно стараясь куснуть поросенка за хвост.

Это — Балахна — унылый богомольный городок под Н. Новгородом, на берегу Волги. Вокруг разбросана деревня нижегородская, сонная, вялая, медлительная. Живут здесь по-старинке — «как отцы и деды наши жили». Новшества современных не долюбивают, ко всему новому, свежему относятся недоверчиво:

— Большевицкие выдумки... Камуния...

Когда приезжавшие сюда инженеры говорили, что скоро этого района узнать нельзя будет, что здесь заработают мощные фабрики и заводы — над их словами снисходительно посмеивались.

— Фа-а-бри-ки... Это у нас-то? Ишь, какие прятки...

Более выдержанные балахнинцы, слушая инженеров, делали понимающие лица, сочувственно хмыкали, поддакивали, но по глазам их ясно было видно, что они в затеи эти ничуть не верят.

Это неверие вполне понятно. Сами балахнинцы издавна делали только два дела: строили баржи для Волги и церкви для себя. Каждый подрядчик-баржевник считал своим неременным долгом «для спасения души» воздвигнуть какой ни на есть храмишко с притворами и колоколенкой.

За то насчет чего другого — извините! Кино, клуба или театра, никто в Балахне выстроить не догадался.

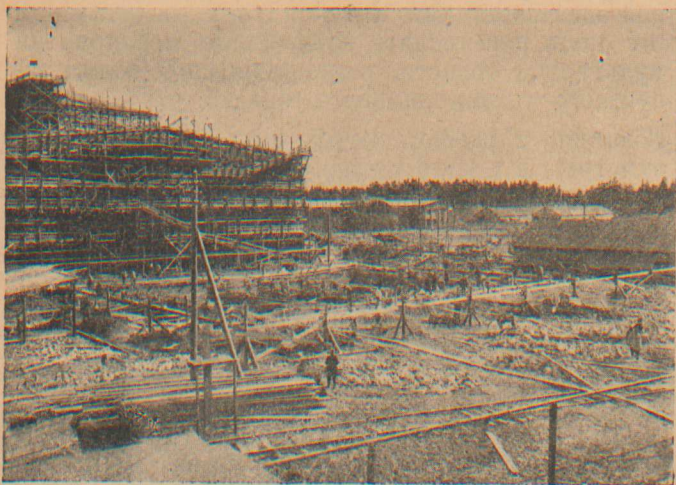
— Лишнее это и ни к чему нам. Отцы и деды без этого жизнь прожили и не плохо жили.

О будущем, о детях и внуках своих, балахнинцы не думали.

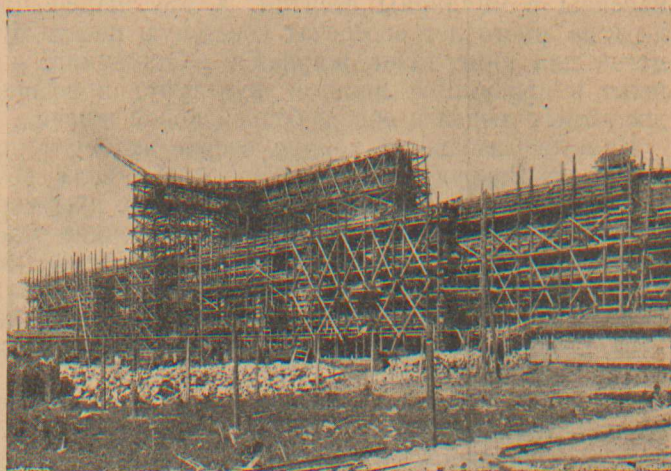
— Что-ж дети? Проживут так же, как и мы жили...

Так тускло, лениво, скучно жила Балахна и в послереволюционные годы, словно какая-то «спящая царевна».

Когда-то была в Балахне своя «достопримечательность» — старый легендарный полковник. О нем рассказывают всегда с большим уважением, что он жил в большом белом доме на берегу и имел две странности, известные всем. Первая из этих странностей заключалась в том, что полковник все свои капиталы хранил исключительно в медной монете. Огромные кожаные мешки с медяками, — по мысли владельца, куда более удобные, чем банки, — висели в погребе под потолком. Второй сла-

Один из участков строительства.

Строящийся бумагоделательный корпус Балахнинской бумагоделательной фабрики.

бостью знаменитого полковника была непомерная гордыня и требование всеобщего к себе уважения. Для этого перед воротами полковничьего дома, справа и слева, были поставлены два еловых столба. Всяк проходящий мимо столбов обязан был в знак уважения к полковнику снимать шапку. Не снимешь — полковничьи слуги схватят и на конюшню арапником отдерут. Сам хозяин дома в это время сидел нагишом на балконе, пил чай со смоквой и следил за точным выполнением прохожими своего неписанного закона. Многие крихтели, проходя мимо знаменитых столбов, но уважение полковнику оказывали и шапки перед домом снимали: кому же хочется быть выдраным?..

Прошли годы. Сейчас... сейчас о голом полковнике смутно помнят только некоторые балахнинцы и даже от знаменитых столбов никакого следа не осталось. Вообще сейчас многое изменилось, как в самом богомольном городе, так и вокруг него. Ураган Октября коснулся своим дыханием и сонной Балахны. Балахна закружилась в вихре чудесных событий и сказочных превращений.

А балахнинский, не верящий ни во что новое, обыватель как сделал большие удивленные глаза, так до сих пор и не может прийти в себя, глядя на происходящее у него под носом большевистское «чудо».

Ему, российскому сонному обывателю, есть на что удивляться, у Балахны и выше и ниже ее, бошеним темпом реализуется лозунг индустриализации страны Советов. Правы, оказывается, были приезжавшие инженеры, когда говорили, что скоро этот район узнать нельзя будет.

Да, он уже и сейчас стал неузнаваемым. Точно из земли выросла мощная балахинская районная электростанция. Выросла, заработала, загу-

дела мощными трансмиссиями и уже дает свыше двадцати тысяч киловатт электротока. Но это пока. Скоро она будет давать все сорок тысяч.

Ниже ее заканчивается картонная фабрика Нижегородского Совнархоза. В октябре она будет пущена в ход и ежегодно станет давать 13.500 тонн картона, то-есть столько, сколько каждый год мы вынуждены ввозить из-за границы.

В Растяпине строится громадный азотный завод. Рядом — кожевенные заводы, кустарные мастерские, чесальные фабрики, фабрики валяно-сапожные, мебельные...

Несомненно, что скоро этот район будет одним из самых цветущих промышленно-хозяйственных районов, взращенных революционным пролетариатом.

И все это растет, зреет и крепнет; звенит людскими голосами, тархтит станками; торжествует над косностью людской, древней, той, что живет «так как жили отцы и деды».

Новая жизнь стремительно рвется вперед, в шум и грохот советской стройки, а он, балахнинский сонный обыватель, только теперь, по-настоящему просыпаясь от сна, смотрит большими глазами на эту исполинскую возню странных для него большевистских гигантов и думает:

— Чорт их знает... Люди это или не люди?.. Что они тут такое выкомаривают... Да! Дело, говорили эти инженеры... Н-ну, народ эти большевики!..

Вот, на высоком волжском берегу громадные леса строящейся бумажной фабрики бумтреста. Кокетливо блестя на солнце освобожденные уже от паутины лесов корпуса.

Почему ее строят именно здесь? В этом скучном, краю. Потому, что прямо — широкая железнодорожная линия тускло блестит рельсами на Сормово, на Нижний, на Москву. Справа вверх по

Демонстрация и митинг протеста в рабочем поселке по поводу налета на наше посольство в Англии.

Ужже, — бескрайная гуща лесов, сплошные лесные массивы в миллионы десятин. А это значит, что леса на много лет обеспечат советскую печать бумагой для книг, газет, журналов... Эта бумага понесет в провинцию знания, культуру, приобщит дремотных людей к общей бодрой новой жизни...

Бумагоделательный корпус вчерне закончен постройкой. Вокруг красивого бумажного зала воздвигаются другие более скромные здания: древесно-массный завод, целлюлозный, сортировочное отделение, сушильное отделение, силовая станция, механические мастерские, фабрика оберточных бумаг. Все это — большие капитальные постройки из дерева, кирпича, железобетона, над которыми возятся сотни рабочих.

Шумно и весело на стройке. Со скрежетом поворачиваются подъемные краны. Звучно плюют бетоньерки. Вагонетки с бетоном взвизгивают на рельсах. С готового здания рабочие снимают опалубку. Здание, как гусеница из кокона вылупливается из деревянной шелухи. Везде, в самых глухих закоулках проведено электричество.

Вот она, растет новая Балахна! Понятно, почему так удивляется сонный балахнинский мещанин, привыкший к сонному своему существованию.

Но, не только в этой неугомонной стройке, в бодрающем стуке топоров и молотков, в звоне бегающих вагонеток — видны яркие ростки Балахны будущего, Новой Балахны. Нет. По хозяйственно-производственному фронту равняется и фронт культурный.

2—3 года тому назад Балахна не знала культурной жизни. Школьная сеть ее свертывалась. Не было клубов, не было кино, не было театра.

А теперь?.. В доме старого легендарного полковника, пившего чай в голом виде, живет ныне глав-

ный инженер Балахнинской государственной районной электростанции, а в остальном... в остальном стоит лишь перечислить главнейшие мероприятия в культурной области, резко меняющей облик захолустного провинциального городка.

Возникло 2 рабочих клуба (при электростанции и бумстрое) и 1 клуб совторгслужащих. Открыты и работают 2 избы-читальни и 16 красных уголков. На полном ходу 4 библиотеки при профсоюзах (Электрострой, Гидроторф, Бумстрой, Картонажстрой). Число подписчиков Центральной библиотеки увеличилось больше, чем вдвое и дошло до 1.400 человек. В городском саду построен летний театр на 500 человек. Расширен городской зимний театр.

И все это за 2 года. 2 года тому назад не было ни одного дошкольного учреждения. А сейчас: 2 детского сада на 100 ребят, годичные общеобразовательные курсы для взрослых, вечерняя совпартшкола. Есть профтехнические курсы для повышения квалификации рабочих с 3-мя отделениями: строительным, механическим и электротехническим. Школа рабочей молодежи. И еще и еще...

А все это вместе взятое дало еще одно: всколыхнуло стоячее болото религиозности. Набожность богомольного города рушится с каждым днем. Одна церковь приспособлена уже под библиотеку, другая под районный музей.

Ночью балахнинское строительство напоминает волшебную сказку. В голубоватом ярком свете сильных электрических ламп работают сотни людей. За людьми встают огромные черные тени, поглощают темнотой людей и тогда кажется, что сюда пришли какие-то гиганты и это они строят новую Балахну.

Новая Балахна будет построена быстро. Признаки этого множатся.

СОВЕТСКОЕ БОЛОТО

Очерк ЯРОСЛАВЦА.

«Болото» издавна стало нарицательным выражением непроглядной темноты, все засасывающей рутины, тупой и косной серости. «Болото» — это культурная отсталость, дикость, разлагающаяся затхлая обывательщина.

И в царские времена «болотный» быт торфяных рабочих вполне оправдывал свое название — пьянство, произвол десятников, неграмотная забитая масса за гроши продававшая здоровье — такова сущность этого болотного быта. Торфяные разработки напоминали огромную казарму, в которую замуровывались на несколько месяцев сотни людей и в непосильном труде, без ограничения времени, потом поливали торфяные кирпичики.

Правда, и теперь еще во многом не изжито масками рабское наследие, но новое с каждым годом все больше и больше выступает на новый план. Работа торфкомов, партийных ячеек, устройство фельдшерских пунктов, санитарных обследований, организация широких производственных совещаний, ликбеза, культ-просветительных кружков,

выписка газет и много, много других технических, бытовых и культурных улучшений, чем в старое «доброе» время и не пахло даже, — все это быстро подняло культуру торфяника.

Неотъемлемой особенностью каждого отдельного участка торфо-разработок является красный уголок и сцена, обслуживаемые обычно культурными силами местных торфкомов.

Красный уголок, несмотря на тяжелый трудовой день торфяника, никогда не пустует. Особенно в предпраздничные дни.

На многих участках есть установки радио, как любительские, так и с громкоговорителем.

В нерабочие дни производится читка газет в бараках, которая обычно превращается в беседу по интересующим торфяников вопросам, преимущественно на политические темы.

Торфяники живо интересуются этой читкой, так как, не говоря уже о неграмотных, сами в газетах разбираются с трудом. Однако, процент неграмотных, благодаря работе ликбезов, сравнительно

Смелянский торфозавод Смела. Артель торфяников.

небольшой и падает почти исключительно на женщин, которые в культурном отношении значительно ниже мужчин, меньше интересуются общественной и политической жизнью и отличаются религиозностью.

Тем не менее, кое-где сказалось уже влияние фабрик, в соседстве с которыми им приходилось работать: нынешним летом на Пушкинском участке в Храпунове, группа торфяниц инсценировала похороны и с песнями и смехом носили по стройкам «покойника» с «попом» во главе. «Покойника» изображала девица, лежавшая на носилках и накрытая разным тряпьем. «Поп» с распущенными волосами, с лаптем на веревке, заменяющим кадило, распевал гнусавым голосом, на церковные мотивы торфяничьи песни. Подобные выступления наблюдались и на других болотах (Тверь, Богородск) и, разумеется, в них очень мало было благоговейного отношения к религии.

В предпраздничные дни местными драмкружками ставились спектакли, которые привлекали огромное число зрителей. Так как обычно зрительным залом является лужайка перед сценой, то места хватало на всех.

Иногда удавалось привлечь к участию в спектаклях и самих торфяников, что возбуждало особенный интерес со стороны зрителей.

Почти на каждом участке издавалась стенная газета, о которой говорили уже задолго до выхода.

Интересно отметить, что стенная газета вызвала к себе два резко-противоположных отноше-

ния: часть администрации (главным образом, из среды старых десятников) боялась ее выхода, тормозила, а иногда и просто срывала его; торфяники же ждали с большим нетерпением и охотно, как умели, собирали материал (почти исключительно разоблачительного характера).

Вопрос о взаимоотношениях с администрацией, т.е., главным образом, с десятниками, заставляет желать лучшего и является самым больным из всех вопросов быта торфяников.

В царское время торфяники целиком зависели от десятника. Он мог увеличить норму работы, мог не принять выработку, мог назначить на тяжелые или легкие работы и отсюда целая система подкупов, спаивание, подхалимство, исполнение личных прихотей десятника. Царил произвол, взаимная ненависть, и торфянику, при его бесправном положении, некуда было обратиться с жалобой, так как вся высшая администрация — стояла на стороне десятников.

В годы военного коммунизма положение резко изменилось. Десятник стал козлом отпущения. На его голову обрушилась ненависть.

Десятников гнали, били, убивали. Десятник был объявлен чуть ли не вне закона.

В настоящий момент среди десятников наблюдаются два новых типа: старые и новые.

Если первые не отказываются от взятки и часто используют свое служебное положение в личных выгодах, то о последних этого говорить уже не приходится: они пользуются особым уважением и

Кладка торфа в штабеля торфяницами.

любовью торфяников, с ними устанавливаются товарищеские отношения. Молодые десятники всячески стараются поднять культурный уровень торфяника и облегчить его труд. Они проводят читку газет, выпускают стенгазету, дежурят в уголке, ставят спектакли, защищают торфяников

от злоупотреблений — являясь в большинстве случаев комсомольцами и членами профсоюза. С другой стороны, и «сверху» проводится строгий контроль над работой десятника и произвол отмирает.

Из отдельных бытовых случаев интересно отметить такой (Пушкино):

В бараке торфяниц обнаружили пропажу десяти рублей. В присутствии профуполномоченного произвели обыск и скоро нашли виновницу. Тотчас толпа торфяниц устраивает своеобразное судбище: устраивается шествие с кастрюлями и сквородками, с криком и свистом под окнами барачков. Впереди двое тащат преступницу за руки. Она упирается и плачет, просит отпустить. Но пока не обошли ближайшие стройки, пока не стало известным имя вора всему участку — судьи были неумолимы.

В условиях болота общественный суд и огласка порочающего поступка является суровым и наиболее действительным наказанием.

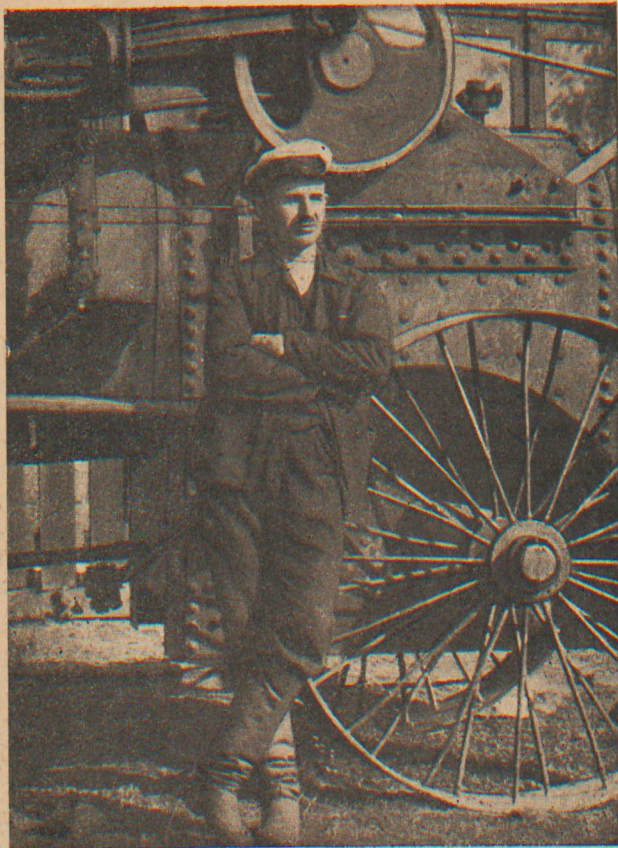
Во всяком случае краж на этом участке больше не было.

Разумеется, болото, как и всякое производство, а тем более производство полу-индустриального типа, конечно, еще нуждается во многих улучшениях и в первую очередь технических, на основе которых растёт общая культурность занятых в нем рабочих.

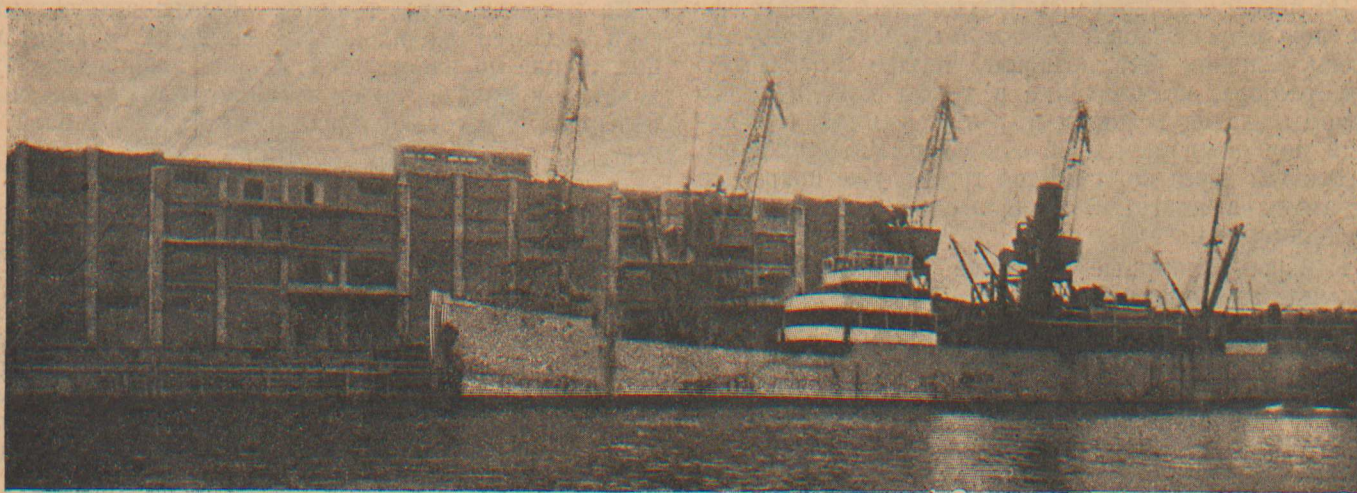
Нужно заменить изнурительный и вредный для здоровья грязный ручной труд ямщика системой гидроторфа, т.е. размывкой торфа на месте его нахождения водой и откачивания его в жидком виде насосами.

Это не раз подчеркивал Владимир Ильич.

Нужно заменить не менее тяжелый труд гончиков — механической системой переброски торфа на место сушки. Но и при отсутствии всего этого громадные сдвиги, громадный рост культурности, по сравнению даже с 20 - 21 г.г. наблюдается на наших болотах уже и сейчас.

Техник у торфяной машины (элеваторная установка).

Холодильник в Ленинградском порту.

ВО ДВОРЦЕ ДЕДА МОРОЗА

Очерк А. СЕВЕРНОГО

Недавно Ленинградский порт, являющийся по своей мощности и техническому оборудованию первым в СССР, обогатился еще новым грандиозным сооружением—холодильником для скоропортящихся грузов.

Известно, что Россия вывозила раньше и вывозит в наши дни за границу через Ленинградский порт ежегодно миллионы, если не миллиарды, штук яиц и сотни тысяч пудов добротного сибирского масла, получая за это чистоганом золото. Не менее известен гнилой Ленинградский климат — с его болотами, туманами, слякотью и постоянными скачками: то солнечная погода, то дождь, а ночью — мороз, снег... и наоборот.

По милости капризов природы прогорали петербургские купцы. Купит иной десятки вагонов масла, яиц, пригласит ораву попов, служит молебны сотнями, кропит чуть ли не из насоса святой водичей вагоны, погода возьми да и подкачай.

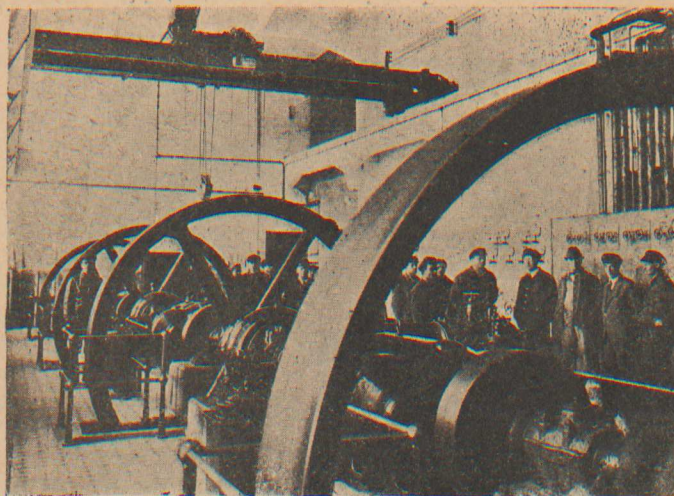
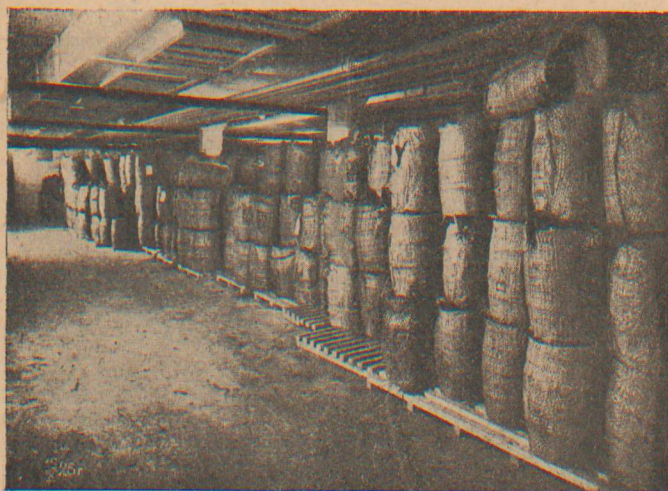
Все ходили под богом и ради него расшибали лбы, а в трубу все таки вылетали.

Октябрьская метла начисто вымела из революционного города Ленина вместе с обломками царских тронов всех фабрикантов и купцов, распугала из черных гнезд монастырских дармоедов.

И перед новыми хозяевами — по прежнему и во весь рост встала забота, — а как бы лучше уберечь от вредных влияний погоды такой нежный товар, как масло, и яйца...

И тогда на болотах, вязких и тинистых, в Ленинградском порту вырос этот дворец льда, дворец деда мороза, — 165-ти метров в длину и 44 м. в ширину.

Задачей строителей было изолировать холодильник от вредных явлений погоды, сделав его независимым от ее изменений и лишив его стены теплопроводности.

В ленинградском холодильнике.

По массивным проводам Волховстрой бросает сюда свою энергию, ток в 6.000 вольт. Электромоторы в своем бешеном беге вращают четыре неуклюжих компрессора, нагнетающие в трубы холодильника замораживающую жидкость,—т.е. аммиак, сгущенный под давлением в 25 атмосфер. Из машинного отделения через конденсатор трубы, уже покрытые от аммиака плотным слоем льда, идут в камеры холодильника.

Камеры—обширные и низкие помещения, освещаемые электричеством. По потолку их пролегают ряды труб и термометр, подвешенный на стене, показывает 7° ниже нуля. Воздух здесь сух, чист и недвижим.

Таких камер в холодильнике—восемь, каждая вмещает до 100.000 пудов груза.

Вся погрузочно-разгрузочная работа в холодильнике механизирована.

Прямо из вагонов мощные лифты, рассчитанные на 120 пудов груза, подхватывают товар и поднимают его вверх, электрические вагонетки развозят его по камере. Полный вагон разгружается в 14 минут.

У ПОДНОЖИЯ ЭЛЬБУСА.

(Карачаевская Автономная область, Сев.-Кавказск. Край).

Темные, неграмотные, задавленные нуждой «карачаи» всегда жили в горах. Их главным занятием было скотоводство и овцеводство. Время от времени к ним приезжали барышники, входили в сделку с муллами и при их содействии за гроши скупали масло, сыр и овец. Сам карачаевец — ел кукурузный хлеб, кислое молоко и только изредка мясо. Постоянная борьба с суровой природой, вечная агитация мулл, призывавших к ненависти ко всему новому и иноплеменному, сделала карачаевцев дикарями.

Советская власть бросила сюда лучших работников и насаждает здесь свою культуру: сейчас у подножия Эльбруса в горных аулах 22 кооператива, 16 изб-читален, 18 школ, 3 больницы с койками, 4 медицинских пункта...

Но этого мало: «карачай» начинает строиться. В этом году на долинах местности Бичесын в верстах в 40 от Нар-Сана (Кисловодска) построен маслобойный и сыроваренный завод. Другой такой

Из холодильника, теми же электро-вагонетками, груз подается на площадки, балконы, с которых ползающие по набережной, словно ископаемые чудовища, краны берут его зараз сотнями пудов, как перышко, и опускают в жадные утробы кораблей.

Такова сказка техники—этот ледяной дворец Ленинграда.

Пусть хоть сто богов или тысяча чертей попытаются устроить такую погоду, которая помешала бы нашей работе,—ничего все равно у них не выйдет. Человек отгородился бетоном от «божьего мира». На клочке пространства, занимаемом камерами холодильника, он утвердил свою власть, оставив далеко позади себя всякую выдуманную досужими головами нечисть и святость, и превратил в смешные пустяки всемогущество библейских чудотворцев.

Советское строительство—могилицей всякой религиозности, а освобождение человеческого сознания от религиозного дурмана,—это начало утверждения всемогущества человека на земле.

же завод выстроен в ауле Старо-Абуковском. Оба завода обошлись в 128.000 руб. Каждый из них ежедневно будет вырабатывать до 500 пуд. сыра.

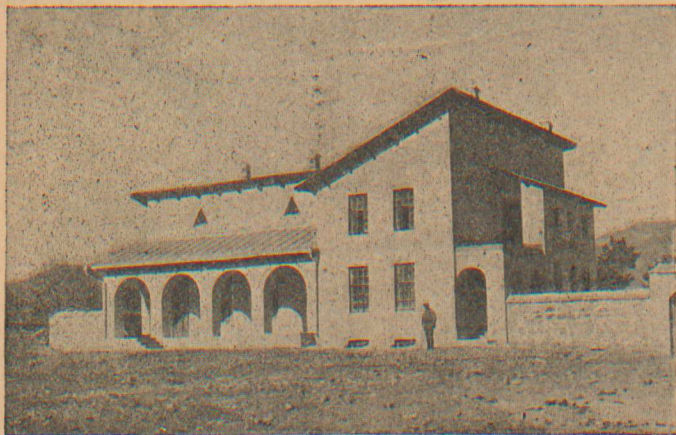
Все рабочие, кроме спецов, на заводе карачаевцы, сырье приобретает тоже у карачаевцев.

Целыми днями сотни арб горцев тянутся сюда сдавать свое молоко и масло.

Здесь карачаевец получает действительную стоимость своего масла и сыра.

Выработка заводов идет в РСФСР в Москву, Ленинград, Харьков и даже за границу. Советские заводы освобождают карачаевцев от их бывлой рабочей зивисимости от барышников и мулл. Они вырабатывают в сознании отсталого горняка сочувствие и доверие к новому режиму и открывают ему глаза на вредную роль в его жизни муллы и религии. Советское строительство освобождает горянина от кабалы эксплуататоров, а его голову от гнета религиозного дурмана.

Кор. № 111.

Завод в местности Бичесын, недалеко от Нар-Сана.

Завод в ауле Старо-Абуковском.

ЭТО БЫЛО ОСЕНЬЮ

Рассказ ПОЛИКАРПОВА.

Рисунки Т. ГОЛУБЕВА.

Холодно-свинцовое, серое, промозглое небо по-висло над полями, над хутором, над балкой. Жидкая, точно черное тесто, дорога извилистой лентой мимо хутора, мимо балки уходит далеко, далеко за горизонт, а по жидкой расхлябанной грязи идут и идут без конца усталые в серых шинелях люди. Идут без конца... Вчера и сегодня все также моросит дождь. Направо поля, изрытые снарядами... Возле дороги убитые лошади, собаки уж успели вырвать внутренности... Двухолка с разбитым колесом, — разбитый лафет, и здесь и там окопы. Сжались, опоясали испуганно сараи, срослись с воронками от снарядов. Три крайних сожженных сарая черным углом вдавились огромным клином в хутор. А эта растрепанная ветрянка со сбитой на бок крыши, как испуганный пьяный белогвардеец и теперь еще отчаянно машет разбитыми крыльями.

Да, это хутор «Болотный». Я узнаю его сразу. Вторый раз мы идем через него. Первый раз мы шли на Константиновскую и здесь убили Ваську Сучкова; он поил у колодца лошадь. Разорвался снаряд... Лошадь отбросило... И долго ползал Васька по земле, корчась от боли: у него оторвало ноги. Они тащились за ним, как привязанные кровавые куски мяса. Долго ползал Васька, кусая землю, — крепкий был малый.

Да, я помню «Болотный» и, наверно, не забуду его никогда. Мы уже два дня не ели. Быстрое отступление белых растянуло нас и оборвало тыл. Кухни не успевали за нами. А белые, отступая оставляли нам или обгорелые пни, или пустые халупы, или, самое большое, гнилую мороженую капусту.

В «Болотном» белые держались два дня. В течение полутора суток, мы пробовали взять «Болотный» без выстрела, так как у нас не хватало снарядов. Однако, сделать это было очень трудно. Сегодняшнюю ночь мы расстреляли последнюю полсотню шрапнелей. Вот и сожженные сараи. Белые ушли, а мы промокшие, усталые, в надежде хоть как-нибудь пообедать в хуторе, входили на широкую, кривую улицу. Мы жадно смотрели на халупы и жадно ждали команды: «смирно».

Тихая, пустынная улица... Все двери наглухо закрыты... Кое-где побиты стекла, кое-где обгоревшие крыши. Вот убитая свинья растянулась у погреба. Людей ни души... Где-то визгливо лают из подворот собаки. Пять, десять минут мы идем по пустой улице, но вот из калитки испуганно выглянула на нас молодая казачка, вышел старик с окладистой, сивой бородой, вскинул зло на нас глаза, снуя овчинную шапку, размашисто перекрестился и уверенно, твердо зашлепал большими сапогами с подковкой, к речке.

Я спросил:

— Кого, дед, хороните с господом?

Он остановился, сдвинулись длинные, седые брови, угловато сморщилась щека.

— Хиба ж не чуета безвирики.

Он сплюнул в сторону.

— Сколько православного люду поубивали. Царь-нибисный видэ на чий стороны правда. Он видэ, — пальцем вверх потряс, опять сплюнул и твердо зашпал по жидкой грязи.

Я долго смотрел на его двигающиеся лопатки под овчинным кожаном, на ясные белые подковки на сапогах и неприятно, и противно было, и от этих желчных слов, и от этих нудных, тяжелых звуков, идущих от речки.

Мы отдыхаем, запрудили широкую улицу, ружья в козлах, а наши все идут и идут. Вот в'ехала последняя пушка и радостней как-то стало. Расставили часовых, обыскали сараи, погреба, дворы, клуны, — ни белых, ни оружия, и хлынули в халупы. А от церкви к кладбищу вытянулась среди серых свиток и расписных платков, длинная цепь белых гробов.

Выглянуло солнце из-за туч. Вот, точно прожектором, осветило косогор и серую неприятную процессию. Впереди, встряхивая волосами, в желтой золотистой ризе священник, часто оборачивается лицом к процессии и машет кадилом. Кадильный дымок струится маленькими облачками. На груди у попа серебряный крест. Слева дьякон, тоже в желтом, золотистом стихаре; под мышкой что-то желтое свернутое. Кто-то толстый, в синей поддевке, быть может станичный старшина, закинув назад

большую рыжую голову несет тяжелую черную икону. Процессия огибает церковь и теряется в полях, потом опять выровнявшись, утекает на кладбище.

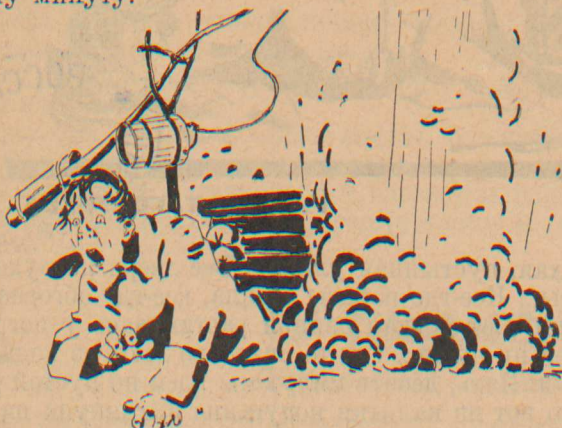
Старуха, топившая нам печку, слезливо шамкала:

— Кажут душ може диясь наших поубило.

— Какой чорт диясь, — громко засмеялся номерной Афонин. — Там гробов тридцать потащили.

Старуха вздрогнула и, ничего не ответила, но я уловил как она словно чего-то спохватилась.

Я посмотрел на это сморщенное испуганное лицо и что-то смутное, неприятное заползло мне в грудь в эту минуту.

...и долго ползал Васька по земле...

На улице было шумно: звякали винтовки, ржали лошади, плепали сотни ног. Кто-то уж успел где-то выпить, затянул песню, а тут в теплой халупе после долгожданного обеда не хотелось никуда идти, хотелось вытянуться, хоть, на полу и спать крепко, долго спать.

Но это пока еще невозможно. Вот резко заиграл рожок горниста, на улице задвигались люди, артиллеристы стали запрягать лошадей. Опять выступать, а идти не хотелось, хотелось только спать. Я сидел на лавке, смотрел на белые стены, на полку с горшками, на печку. Думать ни о чем не хотелось. От полки к печке часто ходила старуха в мужских сапогах. В халупе стало душно, накурено. Всех нас человек пятнадцать; человек десять пообедали, а остальные сидели еще за столом и громко чавкали. Васька Дударев, который всю дорогу жаловался на живот, теперь, после обеда, повеселел и все трунил над старухой.

— Эх, бабка, жаль дочери у тебя нет, а то сватов бы к тебе заслал обязательно, уж очень ты мне понравилась-то.

Ваську хохотом перебивает Сумкин:

— Раз тебе бабка понравилась, так зачем же тебе еще дочка-то. Как раз под пару, с таким ковалем, Васька, не пропадеешь.

— Где-ж, бабка, у вас люди-то?

Старуха не отвечает, только отплеивается часто, да изредка на Ваську вскидывает злые глаза. Часто хлопает дверью, входят красноармейцы, ищут товарищей, оглядывают халупу и опять уходят. Кто-то из вошедших сообщил, что нас догнал 21 стрелковый полк. Там, я знал, были преимущественно китайцы. И, действительно, через несколько минут в халупу шумно вошло пять китайцев. Все сразу заговорили что-то на китайском языке,

замахали на старуху руками. Но ни мы, ни старуха не поняли их. Тогда двое не дожидаясь ответа подошли к печке открыли заслонку. Один из китайцев достал прямо руками большой чугунок лапши, второй подставил полу шинели и горячая лапша моментально перескочила из чугуна в полу. Опять что-то громко все пятеро заговорили и также шумно ушли. Старуха только руками всплеснула, заругала визгливо.

— Да як же це ты не спалывся окоянный.

Николаев заржал во все горло.

— Вот, бабка, герой-то около лапши, почудней должно быть и не придумаешь.

На улице опять заиграл горнист.

Мы стали выступать. Откуда-то появились мужики и бабы, и даже ребятишки. Все они бежали за пушками.

— Эй, тетка, — на ходу спрашивает мой сосед у женщины. — Сколько было белых-то у вас?

— И, хлопцы, дуже много, може, полков диясь, пушек може сто було, або бильше.

— Бреши, бреши, — смеется мой сосед, — все равно не заплачу.

Мы прошли через «Болотный». Вот стали пропадать последние сараи и опять потянулись поля. Белые отступали быстро, мы не успевали их нагонять. Наш тыл все больше и больше от нас отставал. Часто, почти без выстрела и без патронов, мы брали боевые позиции белых. Все думали отдохнем в Ростове, но случилось иначе. Под Ростовым белые укрепились. Они дали нам сразу неожиданный,

...подошли к печке, открыли заслонку...

острый отпор и перешли в наступление. Трое суток мы держались под неприятельским огнем, полки наши таяли, пушки молчали; снарядов не было. Ждать больше было нечего. Нехотя, медленно мы пятнулись назад, опять через хутора, через балки.

Через две недели мы опять подходили к «Болотному». К этому времени я уж не досчитывался многих товарищей.

Была ночь, холодная, осенняя ночь... Мелкий, как из сита, дождь... Холодный резкий ветер жжет, лезет в протертые дыры шинели и сдергивает фуражку. Впереди 21 полк — китайцы. Отдыхать в этот

раз в «Болотном» было некогда, за нами не переставали ухать пушки, слышно было даже, как строчили пулеметы, а в хуторе опять было тихо. Когда подходили к сараям, я слышал еще как дождь стучал по листьям, но... что это? Выстрел, другой, третий... пачками... дробью... вж... вж... засветило в листьях над головами. Мы отшатнулись, хлынули назад, попадали, растянулись в цепь.

— Кто, кто стреляет, — бежит по рядам испуганный вопрос.

Ничего не поймешь, лишь холодные мурашки передергивают спину.

— Белые.

— Но откуда они. Они не могли зайти нам в тыл, нет, не белые. Кто же. Бегут китайцы на нас, орут как помешанные, падают. Вот один падает ко мне на голову. Я сбрасываю его, он стонет, сплота изо рта идет, а над головами, как тысяча шмелей: вж... вж... Все смешалось в кашу. Мы открываем огонь, бьем по китайцам, по хутору. Кто стреляет? В кого стреляют? Разобрать нельзя. Китайцы пробегают через нас, наступая нам на спины, на руки, орут, убегают в поле. Минут двадцать, полчаса все кружилось и мешалось. Крики, стон, стрельба.

— Зажечь хутор! — где-то подалась команда.

Вот вспыхнул первый сарай, второй, третий, загорелись как свечки потом огонь потянуло на нас, полетели огненные шапки.

Вж... бух... вж... бух... разрывались снаряды. Вон Васильев, вон Дударев вскочили, закружились на одном месте, упали. Климов около меня отчаянно взвизгнул, застонал, заползал, хватал, сжимая в кулаки жидкую грязь. Мы хлынули назад. Он уцепился мне за ногу, закричал дико:

— Приколи.

Я вырвал ногу, попробовал тащить, он волокся без одной ноги; на меня брызгала кровь. Я Климова любил, хороший товарищ, делился последним окурком махорки, последним сухарем. Под Цымлянкой он сам меня вытащил раненого из огня.

— Эх, Климов, — у меня навернулись слезы.

Останавливаю пробегающего мимо Мишина, умоляюще прошу пристрелить. Я не могу. Вот почти не оборачиваясь Мишин звякнул затвором вскинул винтовку. Ухнул резкий выстрел и смолк Климов. Я оглянулся и видел его почерневшее обожженное близким выстрелом лицо.

Мы отступили. Много хороших товарищей осталось под «Болотным».

Мы окопались и ждали артиллерию. Она застряла за речкой. Артиллеристы перетаскивали по железнодорожному мосту пушки на себе. Часа через два подехала.

Вот выровнялись против хутора серые жерла и легче стало, точно камень от груди отвалился. Раз

по хутору прохнул снаряд, второй, третий. Вот пять, вот десять, вот двадцать. Шуршали, откатывались лафеты и опять ухали пушки. Из «Болотного» стали отвечать все реже и реже. Вот и совсем перестали. Горят домов десять, ревет скотина, доносится гул, крик, плач. Хлынули опять на хутор, залегли у сараев, послали разведку. Привели пленных. Разведчик Мартынов ругался, вытирал рукавом с лица грязный пот.

— Разбежались дьяволы, все бросили, а мальчешку бревном придавило. Хата горит, а старуха никак не выбежит, как сумасшедшая орет, насили вытаскил, руки все спалил, а мальчешка махонький, волосатый, на мово Васятку схож — вытаскил, а он плачет и никуда от меня не хочет уходить, спускался тоже, конечно, дите. Пять человек пленных — три длинно-бородых мужика и две бабы. Долго ничего не говорили. Бабы плакали, крестились, махали руками. Долго, упорно молчали казаки, потом сознались. Старик кусал губы, дергая за длинный ус, моргал:

— Не мы виноваты и нечего с нас спрашивать. Возьмите вот длиннопатлого, повесьте, повесьте, чтоб все видели, чтоб все чурались, чтоб матери детям заказали проклясть его толстую утробу. Пусть у него вороны глаза повыклевыывают, чтоб не видел он света, как не видит моя деточка Хрося, как не видит Басиль. А где мой дом, а где мое хозяйство.

Я смотрел, как дергались старческие плечи, как сжимался кожаный на плечах и, быть может, этого убийцу Климова мне вдруг стало жалко.

— Когда белые отступали, — говорила баба — оставили пушку, три ящика снарядов, винтовок, наверно, двести и патрон. Поп научил закопать: пушку у него в сарае сеном завалили, а ружья на кладбище носили, вместе с покойниками и поп провозжал.

— Кабы черти кишки бы из него повытащили, тогда быть может не стал народ подбивать, а то патыли распустил и бегал, как окаинный, как зачуял, что вы идете весь хутор подбил стрелять в вас, а мы откуда знали, он духовный. Мы поверили ему и чего ж ему теперь — он схватился с попадьей и в лес утек, а мы теперь что. Может полхутора он погубил, там дети вон горят, люди раненые хуже червей ползают. Баба умолкла. Было нудно, тяжело и точно дождик перестал стучать по листьям, но над головой как будто от этого еще серей, еще холоднее сделалось небо. Мы вспомнили похоронную процессию и эту цепь длинных гробов и эту нудную, хриплую вечную память.

Ждать было некогда. Расплатиться с попом мы отпустили пленных. Подобрали кое-кого раненых и снова мутным потоком хлынули через «Болотный» в темень ночи.

РЕЛИГИЯ В БЫТУ.

Пословицы собрал М. АРТАМОНОВ.

Рисунки К. УРБЕТИС.

Старый уклад жизни: царизм, религия, поповщина, — вековая темнота и забитость народа оставили после себя целый ряд любопытнейших пословиц, поговорок, загадок, начетов и метких выражений, которые хотя и отжили свой век, но представляют для нас интерес с точки зрения возможности изучения отошедшей эпохи.

Эти поговорки в большинстве своем были приспособлены для укрепления царизма, религиозности, темноты и всего того, на чем держался старый строй. Много было в них подхалимства, приниженности и угодливости!

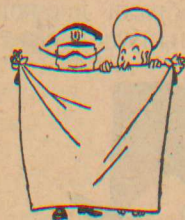
В школах, где учили по старым букварям, усердно вдавливали в голову с малолетства:

1. «Без царя и земля вдова».

2. «Бог на небе,—а царь на земле». 3. Без бога свет не стоит, без царя земля не правится». 4. «Не всяк его видит, да всяк его знает».

А у народа были прозапас другие,—свои поговорки: народ держал язык за зубами, но не переставал от этого шевелить мозгами. Жил он от царя далеко, но дей-

ствительно «знал его», приходилось иметь дело с защитниками его богомазной власти: урядниками, казаками, приставами. Знал он на шкуре своей порядки «батьюшки-царя» и горьким смехом свои тайные думы обманывал... «раздавить царю голову», «стукнуть по орлу»,—это означало всего навсего: пропить полтинник или рубль.

Много в наше время сдано в архив, этих шуток, прибауток, сказок и присказок, пословиц и присловий, особенно же о женщине-работнице и крестьянке.

1. «Бабе дорога от печи до порога». 2. «Баба что мешок, что

муж положил, то и несет». 3. «Вот те кокуй, с ним и ликуй»,—гово-

рили только что вышедшей замуж женщине, подавая ей кокошник: это означало, что вся жизнь ее должна замкнуться в узкой колее домашних интересов. 4. «Люби жену, как душу, трясина ее, как грушу». 5. Бей жену к обеду, к ужину опять, без боя за стол не сядь». А другая прибауска добавляла: 6. «Жена не горшок, ее не разобьешь, а разобьешь—другую найдешь».

За горшок, мол деньги требуют, а бабу с приданым дают. Этот товар не дорого стоит: купил, приобрел и делай с ней что хочешь: никто от тебя отчета не спросит.

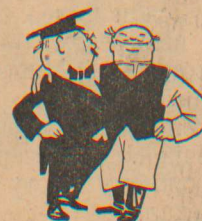
Стоит ли добавлять, что сейчас вся эта дикость изжита и больше не воротится: наша женщина стала равноправной мужчине. Ее старый путь начинался у печи и доходил до порога: ее новый путь начинается от порога и идет вкруг света. Женщина сама себе хозяйин.

Поучительны и пословицы о «судьях праведных».

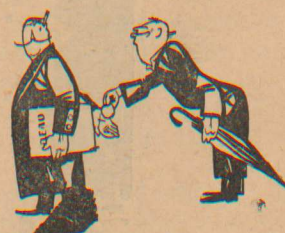
1. «Богатому в суд итти трын-трава, а бедному в суд с плеч голова». 2. «С сильным не борись, с богатым не судись». 3. «Судья,

что плотник, что захотел, то и вытесал», особенно если: дашь «барашка в бумажке». 4. «Закон, что дышло—куда повернул, туда и вышло». 5. «Что нам законы,

когда судьи знакомы». 6. «Земля

любит навоз, а судьи—принос».

7. «Суди меня, судья неправедный».

Стоит ли говорить, что все это в прошлом. Теперь если у нас судьи, а если не судьи, то заседатели непременно рабочие и работники с предприятий или крестьяне. Старому лихоимству да шемакиной расправе спина переломлена.

Особенно много осталось пословиц, говорящих о церкви, о религии и о полах. Народ наш исстари попов не особенно жаловал, стоит только вспомнить бесчисленное количество всевозможных сказок про них, про их похабей, про поповых детей, сынков, да дочек — неохватных бочек, чтобы понять истинное отношение к этому слову. Такое же ироническое отношение было и к самой религии.

1. Что богу молиться, исторый не милует. 2. Бог то бог, да сам не будь плох. 3. Одному святому мигнул, другому моргнул, а третий пусть сам догадается. 4. Как

говеть, так и брюху болеть. 5. У бога милости много, а станешь просить — напросишься. 6. Повадясь к обедне, не лучше харчевни: тому свеча, да другому свеча, а тут и шуба с плеча.

7. Хоть церковь и близко, да ходить туда склизко. 8. Первый звон — чертям разгон, — до второго подождем... 9. Испостился в нитку, а все нет прибьтку.

Можно было бы привести и еще сколько угодно метких народных пословиц, но и из сказанного видно отношение к религии в старое дореволюционное время.

Это ли не безбожие?

А вот что думает деревня о полах:

1. С попом водиться, что в крапиву садиться. 2. Сотворил бог два зла: попа да козла. 3. Попы

да черти — одной шерсти. 4. Первую мерлушку — попу на опушку.

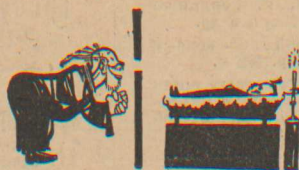

Этот мотив о «загребущих руках» попов, о их жадности и эксплуататорских наклонностях является преобладающим в деревенских пословицах:

1. Поп живет с алтаря, а писарь с колмаря (чернильница).

Этим указывается на то, что работает поп не ради идеи, а из-за наживы. Не без иронии попов называют ремесленниками: они же служат «не для Иисуса, а для хлеба куса».

2. Один хлеб попу, одна ему радость: — что свадьба, что похороны. 3. Поп ждет покойника, а

судья разбойника; — поп ждет покойника богатого, а судья тягуна тароватого. 4. На бедняка и ка-

дило гадит. 5. Не страшно жаться, страшно к попу подступиться. 6. Дьяк у места, что кошка у теста.

Попы выдают себя за подвижников, готовых за Христа в огонь и в воду, но к их героизму деревня относится с большим недоверием:

7. Поп, как пьян — капитан, а проспится — свиньи боится.

Любит деревня вышутить также и пресловутый поповский аскетизм:

8. В пятницу — молока не хлебнет, а молочнице в страстную субботу проходу не дает. 9. Четки на руке, а девки на уме. 10. Попу жена не нужна, была бы у мужика баба. 11. Поповым ребятам вся деревня мать. 12. По бо-

роде хоть в рай, а по делам — ай, ай! 13. Рожка как у апостола, а сам хуже кобеля пестрого.

Не лучше попа и попадья:

1. Попадья лукавая, змея семиглавая. 2. Берет лошадь складом, красная девка взглядом, а попадья толстым задом. 3. Попадья умрет — поп в игумены, а поп умрет, попадья по гуменам.

Есть и такие:

1. Часто кадишь, святых заводишь. 2. Не строй семь церквей, пристрой семь детей.

Говорят и так:

1. У нас ведь не в церкви, народ не обманывают. (Любимая поговорка лавочников).

В ДОМАШНЕМ БЫТУ

ХОЗЯЙКА-КУЛИНАРКА.
Полная поваренная книга для хозяек.

1370 различных скоромных и постных блюд, заготовок солений, маринадов, варений, напитков и других всевозможных хозяйственных приготовлений. Составила на основании многолетнего личного опыта. З. Рудь. 500 стр. большого формата. Ц. 3 р. 50 к.

ДЕТСКАЯ КУХНЯ. Приготовление пищи для детей в возрасте от 6 мес. до 3 лет. Сост. Киселева. 2 изд. С рис. Ц. 60 к.

Полн. руководство **КРОЙКИ и ШИТЬЯ** по новой системе дамских, мужских и детских верхних и нижних вещей. Стр. 176. С чертежами выкроек и рисунков. Ц. 2 р. 75 к.

ПОЛНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СЛОВАРЬ иностранных слов.

Свыше 10.000 иностр. и политических слов с указанием их происхождения, ударений и научного значения. Сост. И. Вайсблит. 212 рис. 676 стр. большой форм. Цена 3 р. 75 к.

ВЕРНЫЙ ЗАРАБОТОК НА ДОМУ

Практические техно-химические рецепты. Необходимо кустарю-производителю и каждому гражданину для легкого и доступного заработка.

2000 различных рецептов и советов, ясно и доступно изложенных, по всем отраслям производства и хозяйства. Состав. И. Рудь. Цена 3 р. 50 к.

Книги немедленно высылаются налож. платежом.

МОСКВА, 1,
М. Бронная, д. 6 м.

**Книжный магазин
Г.А. Басова**

ПЕСЕННИКИ

СЕРИЯ из 4-х книжек—24 к.
При заказе от 2-х рублей пересылка **бесплатно**
Продавцам скидка
Москва, Центр, Политехн. Музей, пом. № 116, автору Л. Г. ЛЕРУ

Кав. Кавказский пояс Спорт—принадлежности

ШПОРЫ никелир. 2 р. пара, с пряжками 3 р. п. Савелевские лучш. сор. 5 р. 50 к. пара, с пряжками 7 р. пара. Шпориные ремешки 50 к. пара. Полевая сумка с планшетом 15 р., лучш. сорт 17 р. 50 к. Пояс 2 р. Поддержка 1 р. Кобур 3 р. Шнур 75 к. Полное снаряжение: пояс, кобур, поддержка, шнур 6 р., лучш. сорт 7 р. 50 к. Портонгар походи. с плечев. ремнем 3 р. 25 к. Кавказский пояс кожаный с набором и одной подвеской 3 р. с двумя подвесками 4 р., с 4 подвеск. 5 р. Футбол с камерой № 3—5 р. 50 к., № 4—6 р. 50 к., № 5—8 р. Гетры 2 р. пара. Рубашка футбольн. 3 р. 10 к. Карманный электрич. фонарь с батарейкой и лампочкой 3 р. 50 к., запасн. батарейка 75 к. Шахматы. фигуры 2 р., лучш. сорт, со свинц. 4 р. Доски шахматные от 1 р. 65 к. Домино 2 р. 25 к. и 3 р. Лото 2 р. 25 к., лучш. сорт 4 р. 25 к. Высылка наложенным платежом, подробный прейс-куррант высылается за 2 восьмипол. марки. Москва, девять, Тверская, 19, производство военных знаков и поход. снаряж. А. Шлугер.

ПО ПОЛОВОМУ ВОПРОСУ

и истории развития любви
общедост. труд
Вильгельма Бельше

Любовь в природе
Цена 2 р. 50 к. с перес.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, Никольская, 17/19, книжный склад „КНИГОСБЫТ“.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распроданную, по технике, медицине, сель. хоз., ремеслам и др. вопросам.

Высылают немедленно нал. платеж.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

„НАУКА и ЖИЗНЬ“

Москва 19, Воздвиженка, 40.

Фирма сущ. с 1905 г.

ТО хочет оделаться хорошим оратором, тот должен выпустить новую книгу „Ораторское искусство“ с приложением „Искусство спорить и оспаривать“. Составл. по сочин. проф. З. Фрейда, Р. Герлинга, проф. Э. Гейслера и др.

Цена с пересылкой наложенным платежом 1 р. 35 к.

Адрес: г. Пенза, почтовый ящик Б. № 30 (тридцатый), в книгоиздательство Г. Д. Давыдова.

В КАЖДОМ ДОМЕ и ДАЧЕ

НЕОБХОДИМ ПРИБОР
В ВИДЕ ЦВЕТКА, ВЕРНО
ПРЕДСКАЗЫВАЮЩИЙ ПОГОДУ

Анализ научн. Х.-Ф. Инстит. при ВСНХ № 5428, цена 50 к. с перес. прод. в ГУМ'е, МОСТОРГ'е и др. магаз. Высыл. немедл. по получ. 50 коп. (можно 8 коп. марк.), опт. скидка. Заказы направлять:

МОСКВА, Пятницкий пер., д. 8 кв. 14/х
Изобретателю В. Н. АНДРЕЕВУ.

НЕСМЫВАЕМАЯ ЖИДКАЯ КРАСКА

для бровей, ресниц, волос и усов

провизора М. Липец

Моментально окрашивает в любой цвет, ничем не отличающийся от натурального. Не смывается мылом в течение м-ца. Не пачкает лица и платья. Безвредна. Разрешена Мосодрзавотделом. Способ применения прост. Высылаются почтой наложенным платежом. При выписке нескольких флаконов за пересылку не платят. Цена кор. для бровей на год—2 р. 50 к., полуг. 1 р. 50 к. Краска для волос—3 р.

ВНИМАНИЕ! ТРЕБУЙТЕ КОМПАКТНУЮ ПУДРУ ВСЕХ ЦВЕТОВ: пуш.-бронет, рашель № 1 и № 2, загар № 1 и № 2, натюрель, розовая и белая. Цена коробки 1 руб.

Москва, 34, Гагаринский пер., д. № 23, кв. 36/12. Пров. М. Липец.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОСКВА, Новая площадь, 6.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

ШЕЙНМАН, М. Бог служит богатым. Беседы о религии. („Библиотека крестьянской молодежи“). Под редакцией Агитпропа ЦК ВЛКСМ. 48 стр. Цена 12 коп.

МУРИН, Н. Ячейка против бога. 36 стр. Цена 15 коп.

Клуб против церкви. Пособие юношеским и комсомольским клубам по анти-религиозной пропаганде. Под редакцией Агитпропа ЦК ВЛКСМ. 116 стр. Цена 50 коп.

ВОЛЖСКИЙ, А. Рождественская вечеринка. Сборник материалов для проведения красной комсомольской вечеринки. 80 стр. Цена 25 коп.

Чтения о рождестве. Сборник под редакцией Агитпропа ЦК ВЛКСМ. („Библиотека крестьянской молодежи“). 34 стр. Цена 12 коп.

МАЙОРОВ, И. Ильин день. 20 стр. Цена 25 коп.

День Ивана Купала. 20 стр. Цена 18 коп.

ВОРИЧ, А. Чудо в Калиновке. Деревенская быль. 24 стр. Цена 5 коп.

Земля Советская. Чтец-декламатор для деревни. Под редакцией Сокольников, М. П. 280 стр. Цена 1 руб. 50 коп.

Под гармошку. Тысяча частушек. Частушки: комсомольские, пионерские, профсоюзные, выборные, женские, про любовь, электрификацию, радио и другие. 6-ое издание. 142 стр. Цена 35 коп.

В провинцию заказы высылаются наложенным платежом.

ОРГАНИЗАЦИЯМ СКИДКА.

При высылке всей суммы заказа вперед пересылка и упаковка за счет Издательства. Заказы до одного рубля высылаются лишь по получении стоимости заказа вперед (можно почтовыми марками).

КАТАЛОГИ, БЮЛЛЕТЕНИ, ПРОСПЕКТЫ
ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО

Требуйте проспект „В помощь летней работе комсомола и юных пионеров“.

Изучайте бухгалтерию и кооперацию

по специально изданным 40 лекциям и пособиям.

Требуйте **БЕСПЛАТНО** систему заочного обучения.

Сталинград, почт. ящ. № 37. Инструктору А. П. ХРЕНОВУ.

Высылается наложенным платежом в любом количестве

1) Новое средство **СЛОЖНЫЙ ХИМНЫЙ СПИРТ ДЛЯ ВОЛОС**

по рецеп. д-ра КАТЦЕН против перхоти и для укрепления волос. Разреш. Мосодрзавотд. за № 24244. Цена 1 фл. 3 руб. 30 к.

2) **ВЛЕКСИР** для белизны кожи и удаления веснушек. Цена 1 фл. 2 рубля.

3) **КРЕМ ЮНОЛЬ** против сухости и шелушения кожи, придает мягкость, удаляет морщ. Ц. 1 б. 2 р.

4) Периодическая **КРАСКА ДЛЯ БРОВЕЙ, РЕСНИЦ И УСОВ**, безвр. жидкая момент. окраш. в любой натур. цвет, не смыв. более месяца, не пачк. Ц. корб. на полгода 1 руб. 50 к., на год 2 руб. 50 к.

5) **КРАСКА ДЛЯ ВОЛОС** черн., шатен., блонд., приготов. по сп. Врачеб. Космет. Инстит. в Париже. Безвр., не смыв., не пач. Цена 1 кор. 3 рубля.

6) **Электор осветлитель** волос в золотистый цвет любого тона. Цена 1 флакона 2 рубля.

Цены указаны без пересылки. При заказе не менее трех предметов почт. расходы по пересылке бесплатно.

Адрес: МОСКВА, 9-е, Лабор. „СНАКЕ“, Г. Газарову. Поч. ящ. 2076.

